

ФРАГМЕНТЫ ИНТЕРВЬЮ С АВСТРАЛИЙЦАМИ – УЧАСТНИКАМИ СИРИЙСКОЙ КАМПАНИИ

К началу Второй Мировой войны французы сконцентрировали в своих ближневосточных владениях значительные силы – около 120 000 солдат и офицеров в основном в качестве орудия подавления выступлений арабского населения, стремящегося к независимости. Военное поражение Франции летом 1940 года усилило брожение среди арабов, которые после выхода этой страны из Лиги Наций не видели легальных оснований для сохранения французского мандата на свои земли. В конце августа 1940 года после переговоров французских властей с итало-германской комиссией численность французских войск в Сирии по условиям перемирия была сокращена до 35 000 человек – количества, необходимого для поддержания порядка в колониях. Националистические элементы в Сирии вновь подняли голову, так как сочли, что настало время освобождения от французского господства. Великобритания благосклонно смотрела на этот процесс, рассчитывая, что освободительное движение сирийцев станет препятствием для распространения влияния держав Оси на регион.

В октябре 1940 года на Ближний Восток прибыл сподвижник Де Голля (Charles de Gaulle) генерал Камру (Georges Catroux), который начал пропагандистскую кампанию, имевшую целью склонить базировавшиеся в Сирии и Ливане французские войска к переходу на сторону Свободной Франции. Был достигнут эффект, противоположный ожидаемому: прибывший в Сирию новый глава французской администрации генерал Анри Денц (Henry Denz) был настроен явно прогермански, все больше и больше немцев стало появляться в Сирии, да и сами сирийцы, скорее, были раздражены пропагандистской кампанией голлистов. Следует отметить, что мало чем обоснованные большие надежды на движение голлистов возлагал лично Черчилль, в то время как британское военное командование на Ближнем Востоке трезво оценивало его боевой потенциал как незначительный. Однако, Де Голль и многие британские старшие офицеры предвкушали легкую прогулку и не понимали того, что французы, вовсе не пылая любовью к немцам, не испытывали особых симпатий и к британцам, считая, что те бросили их на произвол судьбы в 1940-м.

По мнению известного австралийского военного корреспондента Алана Мурхеда (Alan Moorehead), британское командование не отдавало себе отчет в том, насколько далеко зашло сотрудничество между немцами и вишистами, и насколько прогермански был настроен генерал Денц. Собственно говоря, для многих французов голлисты были лишь кучкой мятежников и предателей, вышедших из подчинения французскому правительству и ставивших под угрозу перспективы достижения более-менее приемлемых условий мирного соглашения со странами Оси. Весной 1941 года активность нацистов в Сирии заметно возросла. Глава Восточного Отдела германского МИДа Хентиг начал работу по созданию нацистских организаций в рядах арабской молодежи в тесном контакте с местными националистами. В страну стало прибывать все больше «технических специалистов» и «туристов», и в итоге, когда в мае в Ираке произошли первые столкновения между британцами и мятежниками Рашида Али, его поддержала немецкая авиация, использовав для промежуточного базирования и дозаправки французские аэродромы в Сирии. Акции адмирала Дарлана (Jean Darlan), министра иностранных дел Франции и второго человека после Петена (Henri Pétain), не оставили сомнений в том, что вишисты полностью поддерживают деятельность нацистов на Ближнем Востоке. Он подписал декларацию о поддержке нацистов в Сирии и Северной Африке, согласился продать иракским мятежникам три четверти военных материалов,

складированных в Сирии, предоставить самолетам немецких и итальянских ВВС топливо для дозаправки и аэродром Алеппо в Сирии, а немецкому командованию - разведданные о дислокации и планах британских сил на Ближнем Востоке. В ответ на это 14 мая 1941 года самолеты британских и австралийских ВВС начали систематическую бомбардировку французских аэродромов в Сирии.

8 мая 1941 года началось вторжение войск Британского Содружества в Сирию, нацеленное на завоевание полного контроля над французскими владениями в этой части Ближнего Востока. Бои завершались разгромом войск вишистов 14 июля... Вниманию читателей представлены фрагменты интервью с австралийскими солдатами – участниками кампании.

Карта боевых действий в Юго-Западной Сирии

ПИТЕР ГИБСОН (PETER GIBSON)

2-й Дивизион 5-го Полка Полевой Артиллерии, 7-я Дивизия

В наш первый день боевых действий в Сирии наш командир орудийного расчёта, капитан, находился на своём наблюдательном пункте. Вместе с ним там было ещё человек пять. В них попал снаряд — их разорвало, все погибли. И мне пришлось взять с собой ещё двух или трёх парней, чтобы пойти туда, забрать их тела и всё такое. Ну, это был первый раз, когда я вообще увидел что-либо подобное, и это было просто ужасающее месиво. Я имею в виду, что их разорвало на куски и всё такое. Нам пришлось собрать всё, что можно было найти, завернуть в одеяло и принести обратно.

Но знаете, в двадцать лет очень быстро становишься взрослым.

Это был ваш первый день в бою?

Это было в первый же день.

Когда вам пришлось это делать, вы находились под огнём?

О да. Ну, нам пришлось подняться туда и забрать... сделать всё, что мы могли. Двое из них ещё оставались в живых, остальные были разорваны в клочья, но нам нужно было снова сделать так, чтобы наблюдательный пункт действовал, понимаете. В этом и заключалась проблема: артиллерия ведёт огонь по противнику, но у противника тоже есть артиллерия, и когда вы стреляете первыми, они засекают место, где вы находитесь, и открывают огонь по вам, чтобы подавить вас, вывести из строя, чтобы вы не могли помочь своим. Так что то, что ты служишь в артиллерии, вовсе не означает, что тебе ничего не угрожает. По тебе не стреляют из винтовок или пулемётов, но на тебя летят снаряды и взрываются вокруг тебя. Вы достаточно мобильны — конечно, вы уходите оттуда, меняете позицию. Так и происходило практически каждую ночь.

Это было нелегко, но мы были довольно хорошо подготовлены. Мы были очень крепкими, физически хорошо подготовленными, понимаете, и могли сами о себе позаботиться. Я имею в виду, парни обычно умудрялись раздобыть кур, всякую всячину, яйца у местных жителей, добывали дыни.

После того, как вы собрали останки, вы потом похоронили их?

Мы принесли их обратно, мы просто должны были накрыть их, вот и всё. Позже приехали люди из службы военных захоронений. Сейчас у всех них есть могилы.

Не было времени сделать что-либо ещё?

Нет. А потом, конечно, самое тяжёлое — связаться с их семьями, но этим обычно занимался капеллан. Но в тот момент вы об этом не думали. Только потом, понимаете, когда всё закончилось, начинали думать о таких вещах: вот такого-то человека больше нет здесь. Но, м-м-м... понимаете, вы никогда бы не стали разговаривать о таких вещах. Да никто нас и не спрашивал.

Люди, парни в вашей части, пугались, когда происходило что-нибудь подобное?

Ну, нам всё время было страшно до чёртиков. Любой, кто скажет вам, что ему не было страшно, — лжец. Конечно, нам было страшно. Понимаете, ты не знали, когда придёт твоя очередь. Но в тот момент об этом не думалось. А потом... понимаете, вы делали такие вещи, я думаю, именно на пике страха, если можно так выразиться. Это, знаете ли, инстинкт выживания. Но вообще жизнь в артиллерии не шла ни в какое сравнение с тем, что выпадало на долю пехоты. Именно им доставалась вся самая тяжёлая работа, и знаете, я испытываю огромное уважение к тому факту, что настоящими людьми переднего края является пехота. Мы находились здесь, в артиллерии, в составе войск поддержки, и получали от пехотных командиров запрос на поддержку артиллерийским огнём.

Австралийские артиллеристы, Сирия, 1941

А самый быстрый способ самому отправиться на тот свет — это быть лейтенантом, которого послали вперёд в качестве офицера-наблюдателя, чему я был свидетелем. Когда меня ранило, за два дня пострадали пять лейтенантов. Пять лейтенантов за два дня. Не все погибли — все выбыли из строя, один был убит. А в пехоте, конечно, все атаки, вообще всё, возглавляют лейтенанты, понимаете. Командиры отделений, лейтенанты — они первыми идут в бой. Вот почему среди офицеров уровень потерь такой высокий. Я имею в виду, чем выше вы поднимаетесь по служебной лестнице, тем дальше от передовой находитесь и тем больше руководите происходящим сзади. Вот и всё. Мы не сидели в окопах, как в Первую мировую. Это было совсем другое. Мы были мобильными, очень мобильными. Всё время находились в движении.

Возвращаясь к вашей роли в артиллерии и к поддержке пехоты, чувствовали ли вы, что для вас было честью иметь возможность этим заниматься, или это было...?

Когда пехотинцы возвращались через артиллерийские позиции, они говорили: «Господи, я не знаю, как вы, ребята из этой чёртовой артиллерии, выдерживаете, когда вас так долбит». А мы отвечали: «А как насчёт вас, ребята?» Так что мы просто считали, что нам повезло, понимаете. Но да, я полагаю, что в некотором смысле это было честью. Потому что мы всегда говорили, что мы — джентльмены артиллерии. Знаете песню артиллеристов?

Что это за песня артиллеристов?

Знаете: «Toorali oorali adderty... We are the boys of artillery».

*Все пехотинцы — славные ребята,
но, попав в переделку,
они всегда зовут на помощь пушки*

Им [пехотинцам] эта песня не очень нравилась, сами понимаете.

Питер, я хотел бы, если вы не против, вернуться к самому началу событий в Сирии. Мне очень интересно услышать, какие у вас были первые впечатления, когда вы туда

прибыли, после всей вашей подготовки, после морского путешествия. Какое было настроение на борту судна и среди солдат...

Мы довольно долго находились в пустыне в Египте, понимаете. Затем вернулись на поезде к Каналу, переправились через него и вступили в Палестину. Потом двинулись на север, к границе Палестины, как её тогда называли, и Сирии. Мы подошли к... там был таможенный переход, и именно там пересекли границу и вошли в Сирию. Мы ничего не знали о том, что происходит - нам вообще ничего не сказали. Мы даже не знали, зачем нас туда отправляют. То есть никакой информации не было вообще — знали только то, что мы отправляемся в Сирию. Мы не знали, какова была стратегия Черчилля, что именно он предполагал делать дальше. На самом деле мы узнали это только... ну, гораздо, гораздо позже — почему вообще нас туда отправили.

Действительно. То есть вам просто отдавали приказ, и вы отправлялись туда?

Туда и отправлялись, да. Я имею в виду, в пустыне [Монтгомери](#) (Bernard Montgomery) обычно устраивал эти большие собрания, собирал всех — войска и так далее — и рассказывал, что происходит. Но у нас ничего такого не было, и мы отправились в Сирию. Когда мы туда прибыли, нам сказали, что мы будем воевать против [французов-вишистов](#), понимаете. Половина парней вообще не знала, кто это такие, они даже никогда о них не слышали.

Очень скоро мы узнали, что и как. Наша первая огневая позиция находилась сразу за сирийской границей. Мы поддерживали атаку нашей пехоты в этом конкретном районе. Мы прибыли на место в темноте, как обычно и происходило при передвижении. А примерно в середине нашего первого дня мы впервые открыли по-настоящему интенсивный огонь, когда началась атака. Именно тогда наш командир орудийного расчёта, капитан, его помощник и два радиста — нет, три радиста — находились на этом НП [наблюдательном пункте], наверху, на вершине этого холма, и вдруг, в следующий момент, который мы помним, вся связь между орудиями и его позицией оборвалась. Мы выяснили, что снаряд угодил прямо в середину их позиции. Трое из них были убиты, а ещё двое получили очень тяжёлые ранения.

То есть вы потеряли связь с передовой, где они находились...

Мы знали по карте, где они находятся. Поэтому старший офицер нашей огневой позиции, лейтенант, сказал... Нет, он приказал мне взять пару артиллеристов и забрать их, понимаете, сделать всё, что в наших силах. Мы поднялись туда и нашли место, где они находились - зрелище было довольно жуткое. Пара человек были ещё живы. Несколько парней схватили их и вытащили оттуда, но... остальные были буквально разорваны на части, понимаете. Мы, можно сказать, собирали куски их тел и складывали их в одеяло, а потом потащили всё вниз по склону. Местность была довольно каменистой. Ни деревьев, ни какого-либо укрытия. А снаряды в то время падали вокруг нас со всех сторон, но у нас была эта задача, которую нужно было выполнить. И, если говорить совершенно откровенно, конечно, нам было страшно. Если человек говорит, что ему не было страшно, он врёт. Нам всем было страшно. Но у нас была эта задача, и мы просто её выполнили. Когда мы вернулись с ними к орудиям, мы сели и подумали: «Боже мой... вот это было жутко».

То есть именно тогда вы впервые почувствовали, что на самом деле происходит?

Да. Ну, тогда уже шла настоящая война. Это был первый раз, когда мы действительно что-то сделали, действительно стреляли из наших орудий. Ну, мы, конечно, стреляли на учениях в пустыне, а здесь уже было настоящее дело, понимаете.

А вы чувствовали, что артиллерийский огонь помогает добиться какого-то продвижения?

Мы очистили этот район — точнее, пехота его очистила. А мы примерно так: снимали орудия с позиций и двигались вслед за ними. Мы были в движении практически каждый день, каждую ночь. Каждую ночь мы куда-нибудь перемещались.

Я читал, что эта кампания была довольно продолжительной, возможно, даже более продолжительной, чем она должна была быть.

Ну, есть очень хороший документальный фильм. Вы его видели?

Думаю, да.

Six Bloody Weeks/Шесть Кровавых Недель. Он рассказывает о политике, стоявшей за всей этой историей, гораздо больше, чем непосредственно о боевых действиях, но там показывают часть той местности, где мы находились: мы ведь были в центральном секторе. В Сирийской кампании было три направления: прибрежное, центральное и... восточное, в районе Дамаска, примерно там. Мы находились в горах, на Голанских высотах, и все наши перемещения проходили по очень узким дорогам — если их вообще можно было назвать дорогами. Многие из них проходили вдоль оврагов и ущелий и тому подобного, поэтому нам приходилось удерживать наши орудия [от падения вниз по склону] ... Всё происходило ночью, поэтому спать нам почти не удавалось, думаю, так продолжалось около пяти недель. Знаю точно, что после окончания всего этого мы проспали три дня.

Вероятно, это был первый случай, когда артиллерия оказалась в ситуации, когда приходилось постоянно находиться в движении: каждую ночь, каждый день мы перемещались на новую позицию. Один раз мы оставались на одном месте целый день, в укрытии, конечно, над нами были натянуты маскировочные сети. На следующий день ожидалась атака, поэтому ночью мы заняли свои позиции, а потом весь день лежали тихо, не высываясь, и, конечно, вы не поверите, но у всех нас были примусы. Понимаете, у нас не было керосина, и метилированного спирта тоже не было, поэтому мы заливали в них бензин. Мы постоянно пили чай, и тут один из наших парней и говорит: «Чашку чая, приятель?» Он зажёл примус, начал его накачивать, и, конечно, тот взорвался. Дело было примерно в полдень. Пламя и дым прошли прямо через нашу маскировочную сеть, что сразу выдавало местоположение нашей позиции. В следующий момент по нам с другой стороны уже начали долбить из всего, что стреляло. За это меня особо не похвалили, но чай мы пили постоянно.

Чай или что-нибудь ещё?

Нет, этого не было... Наши пушки тащили тягачи *Marmon-Herrington*, четырёхколёсные, с полным приводом. Такие, вроде грузовиков — у меня есть их фотографии. А ночью один из нас шёл впереди, обычно наш старшина батареи, и осматривал дорогу впереди нас. Потом давал нам сигнал пройти ещё метров пятьдесят или около того, пока мы не посмотрим, куда именно идём.

Были ли там мины?

Нет, нет. В нашем районе мин было не так уж много, потому что там не было... не было таких больших участков ровной местности, которые можно было бы перекрыть минами и тому подобным, чтобы защищать обширные территории. На всех дорогах и вообще повсюду, возможно, это упоминалось в том фильме, были белые указатели. Везде стояли белые отметки. И мы выяснили, что все они были ориентирными точками для французской артиллерии, когда она проводила здесь учения. Они знали координаты каждой такой точки и могли вести по ним огонь, поэтому, если мы проходили мимо одной из этих точек, они, конечно, всё время могли обрушить на нас огонь. У них были эти французские 75-мм артиллерийские орудия — очень, очень классные, ещё времён Первой мировой войны. К счастью, у нас были 25-фунтовые пушки, которые были гораздо современнее.

Всё это, по крайней мере для нас, означало постоянное движение — вся Сирийская кампания. Когда там всё более или менее было очищено от противника, нас перебросили в прибрежный район и начали наступление на Бейрут. Это была уже совершенно другая война. Всё происходило на главной дороге, на прибрежной дороге.

Из этого документального фильма я узнал, что вишисты довольно хорошо закрепились на местности.

О да.

Вы сами когда-нибудь сталкивались с этим?

На самом деле нет. Именно пехота обнаруживала такие позиции, но мы знали, что они окопались и закрепились везде где только можно. Их оборона была очень хорошо организована, особенно вокруг Мерджаюна. Там произошло одно из крупных сражений. Именно там Катлер (Roden Cutler, 1916-2002) получил свой *Крест Виктории*, если не ошибаюсь. На мой взгляд, это сама по себе очень интересная история. Этот населённый пункт один раз был захвачен, потом потерян, затем снова захвачен и так далее. Там была французская артиллерийская школа... Это был форт, он назывался форт Кхиам. Наши связисты всегда были отличными добытчиками всякого добра, и они добрались туда первыми. Форт уже был эвакуирован, и они проникли в офицерскую столовую. Там все они нарядились в парадную форму французских офицеров — с головными уборами и всем остальным — а потом вернулись в лагерь, обратно к орудиям, с саблями и всякими другими вещами, таща награбленное, главным образом мешки с сахаром - именно этого нам больше всего и хотелось.

Австралийцы вступают в форт Кхиам

Расскажите тогда о вашем продвижении, о переходе в ходе кампании из гор к прибрежной дороге, об этом этапе кампании.

Ну, нам пришлось спуститься с гор по этой прибрежной дороге к реке Дамур. На французской стороне там были хорошо оборудованные укрепления, и это было очень крупное сражение. В ту ночь мы мощную артиллерийскую подготовку. На каждое орудие приходилось по 600 снарядов. Мы стреляли каждую минуту — всю ночь, поддерживая этот «ползущий огневой вал», пока пехота продвигалась вперёд. Мы, конечно, записывали каждый произведённый выстрел. Вели счёт, потому что нужно было знать, когда потребуется заменить ствол и всё такое. Так вот, именно тогда из моего орудия был выпущен 3000-й снаряд. Когда 25-фунтовая пушка стреляет, она практически подпрыгивает над землёй. Почти. Конечно, почти каждый артиллерист в конце концов становился глухим. За почти три года службы — фактически почти за четыре года — во всём моём орудийном расчёте я был единственным, кто не оглох.

Как вам это удалось?

Не знаю. Я находился в самом худшем месте — сзади, у основания орудия, рядом с сержантом. Это было моё место, и каждый раз, когда пушка стреляла, она вот так — ух! — подскакивала вверх, но лафет всё равно оставался на земле, а ударная волна расходилась в стороны. Конечно, именно двое парней, находившихся по обе стороны от неё, каждый раз принимали на себя весь этот удар... 25-фунтовая пушка могла стрелять по настильной, средней или навесной траектории. Можно было послать снаряд по высокой дуге — примерно так, как стреляла небольшая гаубица. Они ведь стреляли навесным огнём. Так что 25-фунтовая пушка была фактически пушкой-гаубицей: она могла выполнять обе функции. А последний заряд, который мы добавляли, назывался *supercharge* — усиленный заряд. Этот картуз можно было добавить к обычному комплекту при заряджании орудия, тогда снаряд летел практически параллельно земле, и именно этот заряд мы использовали при стрельбе бронебойными снарядами по танкам. Таким зарядом орудие могло стрелять на дальность до 12 000 ярдов. Снаряд летел практически параллельно земле. Но такое применяли только на открытой местности, понимаете. А вот третий заряд был тем, который мы обычно использовали. Потому что большая часть нашей стрельбы велась на дальности от четырёх до пяти тысяч ярдов.

На протяжении всей Сирийской кампании в основном этим вы и занимались?

Да, да.

А на побережье?

На побережье... На побережье было то же самое, потому что мы наступали... Ну, после сражения у Дамура мы всё время вели обычный артиллерийский огонь по местности впереди пехоты. Мы двигались по прибрежной дороге и собирались атаковать Бейрут — он находился где-то вдали. Там была радиовышка, по которой мы пытались попасть. И, бог знает как, но нам это удалось. Местность там, вдоль побережья была довольно открытой.

Вы встречали на этой дороге значительные силы противника?

Ну, однажды наш командир части проехал мимо нашей огневой позиции и сказал нам: «Собирайтесь. Сегодня вечером будем в Бейруте». Мы собрались, вышли на дорогу, завернули за следующий поворот — и тут же угодили прямо в самое пекло. Вся эта местность была накрыта их артиллерией — крупнокалиберными орудиями, которые стреляли непосредственно из Бейрута, и это очень быстро остановило наше продвижение.

Мы расположили наши орудия за двумя старыми каменными стенами, в которых были ворота, и просунули стволы орудий через эти ворота. Но тут прямо перед ним снаряд разорвался, и всё вокруг разлетелось. Самому орудию это не повредило, но всё остальное...

А как насчёт людей?

Ну, мой номер два, наводчик, бомбардир Бев Мейн (Bev Main), был управляющим банка. Он в жизни не держал лопату в руках, понимаете. Еще у нас был один работяга, такой землекоп, который обычно работал в городском совете. Бев всегда платил ему, чтобы тот вырыл для него индивидуальный окопчик. Он давал ему каждый раз один фунт за эту работу. Но когда мы оказались на этой позиции и нас начали долбить, я сказал Беву: «Я тебе сейчас приказываю — иди и выкопай свой чёртов окоп», ну, он и выкопал его рядом с орудием. И тут прилетел этот самый снаряд. Когда дым и вся эта грязь осели на землю, я посмотрел и подумал: «О Боже мой!» Заглянул в его окоп — а Бева там нет. Зато внутри лежал огромный кусок снаряда. Он говорит: «Видишь, сержант, вот почему я никогда не копаю окопы».

Мне осколок попал в спину — кусок чего-то угодил прямо в середину спины, и кровь хлестала довольно сильно. Вся моя рубашка была пропитана кровью. Парни говорят: «О господи, сержант, вас ранило! Давайте-ка вас отправим...» и повезли меня на медицинский пункт.

Вы сами не могли...?

Я вообще не чувствовал боли или чего-нибудь подобного, просто шла кровь. Я им: «Отправьте меня на полковой медицинский пункт (RAP — Regimental Aid Post)». Ну, добрались туда, доктор взял большие ножницы и разрезал на мне рубашку, и тут обнаружился этот осколок — примерно вот такого размера, я бы сказал, а на нём был большой острый, как стилет, выступ. Он торчал прямо из позвоночника, при этом рану почти невозможно было разглядеть. Но осколок задел кровеносный сосуд, поэтому кровь так сильно и шла. Доктор вытащил эту чёртову штуку, наложил на рану повязку и сказал: «Возвращайтесь к своему оружию», так что даже в списки раненых меня не внесли, а я-то было подумал: «Вот здорово! На этом я точно получу отправку домой»...

Если говорить о Сирийской кампании... Она продолжалась, сколько — пять, шесть недель?

Думаю, все это время мы вообще не спали. По-моему, за весь этот период мы ни разу нормально не выспались. Удивительно, как долго человек вообще способен продержаться, когда находится в такой ситуации. Конечно, иногда удавалось прикрыть глаза минут на десять или около того, но потом приходил приказ, и снова нужно было подниматься и приступать к работе. Но когда всё закончилось и наступило перемирие... В ту ночь было объявлено перемирие, и обстрел должен был прекратиться в полночь, но он не прекратился, потому что после полуночи они ещё выпустили несколько снарядов, и мы снова начали стрелять, но после этого всё действительно закончилось. Мы просто, можно сказать, рухнули возле этого орудия и несколько дней не просыпались.

Это невероятно.

Просто не просыпались. Потому что потом какое-то время вы все ходили как в тумане, совершенно разбитые. А потом, конечно, через некоторое время выпал снег, и тогда нас всех занесло снегом.

Где вы находились, когда было объявлено перемирие?

Мы находились в месте под названием Лата, неподалёку от Латакии. Латакия находится дальше на север по побережью от Бейрута — значительно дальше, примерно на полпути к Турции, к турецкой границе. Мы находились в горах, среди ливанских кедров. Это горы позади Бейрута. Там находится горнолыжный курорт — прекрасное место. Так вот, мы оказались там, в снегу. Нас буквально занесло снегом, и мы не могли двигаться. Все наши орудия, тягачи, вообще всё — даже наши палатки — всю ту Рождественскую пору 1941 года находилось под снегом. Снег лежал даже до самого побережья Средиземного моря. Потом мы двинулись оттуда. Нам пришлось прочёсывать различные позиции по всей Сирии, где находились французские войска. Многие из них даже не знали, что боевые действия уже прекратились.

А, вот как...

Мы отправились в разведку: взяли с собой пару орудий и несколько пехотинцев и ездили по округе, разыскивая этих людей. Мы добрались почти до самой турецкой границы — туда, где турецкая граница встречается с сирийской на побережье Средиземного моря. Интересно, что пока мы там находились, местные жители довольно хорошо о нас заботились — снабжали нас курами, яйцами, едой и всем остальным.

Мне интересно, что вы делали с теми вишистами, которые не знали, что перемирие уже объявлено? Как вы с ними поступали?

Ну, вишистские французы, против которых мы воевали, были бойцами [Французского Иностранного Легиона](#) - их перебросили из Алжира. Это были профессиональные солдаты, им, в общем-то, было всё равно, за кого воевать, лишь бы с кем-нибудь воевать. Однажды ночью один человек, один из них, приплёлся к нашей огневой позиции. Наш часовой остановил его, а тот сказал: «Не стреляйте, не стреляйте! Я австралиец». А он был французским солдатом, бойцом Иностранного Легиона. Так что мы взяли его в плен.

А, понятно. То есть он фактически сдался мирно.

Да. Он решил сдаться, когда узнал, что воюет против австралийцев. [До начала боев] ходили разговоры — по крайней мере, существовало такое мнение у некоторых старших офицеров, — что часть французов просто сдастся, что некоторые французы вообще не будут сражаться... Мы этого не обнаружили: они действительно были очень, очень хорошими бойцами. В Сирии мы понесли тяжелые потери, очень тяжелые. Это была страна, буквально превращённая в систему укреплений. Мы воевали, можно сказать, против армии, которая находилась там уже много лет. У них были свои позиции, свои учебные и тренировочные полигоны, они знали всю эту местность вдоль и поперёк. И вот против них нам и пришлось сражаться...

ДЖОН МЁРФИ (JOHN MURPHY)

17-й Полк Легкой Кавалерии

Что вам рассказывали о французах-вишистах до того, как вы отправились в Сирию?

Не думаю, что нам вообще что-нибудь рассказывали. По-моему, впервые о Виши мы услышали, когда прибыли в Фуэлу, на сирийскую границу. Наверное, это и было первое, что мы о них узнали. Многие из вишистов были сенегальцами — здоровенные, высокие парни.

Вы задавались вопросом, почему вы воюете с вишистами, то есть с французами?

Нет. Нет, не тогда. Только потом.

Расскажите нам о подготовке к операции в Сирии. Как вы к ней готовились?

Мы стояли лагерем в Фуэле, ожидая приказа перейти границу. Нам сказали, что серьёзного сопротивления мы не встретим. Но, как выяснилось, всё оказалось совсем наоборот. Одно небольшое происшествие случилось ещё до того, как мы вступили в бой. Однажды ночью мы спали прямо на земле, и вдруг рядом раздался сильный грохот. Это мотоциклист, сержант Дон Лилберн (Don Lilburn),

врезался в грузовик. Я нашёл какие-то средства первой помощи, и мы оказали ему помощь. Морфий мы ему дать не могли, потому что у меня его не было. Его отправили обратно в Австралию.

Там, в Фуэле, на сирийской границе, я присоединился к своему подразделению. Я не знал, чем именно буду там заниматься. Подготовка у меня было достаточно, но я не знал, какие должности там имеются. С меня сразу сняли нашивки сержанта, потому что позиции сержанта для меня там не было. Меня это не особенно беспокоило, но нескольких других сержантов это очень задело, потому что, по-видимому, они не слишком хорошо обращались с солдатами, а теперь солдаты собирались с ними покончить.

Мы разбили лагерь, замаскировались и стали готовиться к бою, и мне предоставили возможность послушать некоторые из первых приказов. Нас разделили на три группы. Я находился на прибрежной дороге, а была ещё внутренняя дорога. Там было две группы — внутренняя, или центральная... центральная и внутренняя. И в первые несколько дней мне поручили возить капитана на передовую, хотя передовая была, надо сказать, совсем недалеко. Он всё время говорил мне: «Езжай быстрее», а я отвечал: «Эта чёртова старая машина быстрее не может — на ней столько маскировочного материала». Нас шесть раз бомбили с воздуха. Однажды я ехал на грузовике по прибрежной дороге, и они разбомбили дорогу прямо перед нами, так что мы оказались в ловушке — пока сапёры не смогли прорубить выемку в склоне и проложить для нас дорогу. Вишисты могли захватить нас: мы оказались полностью отрезаны, у них была такая возможность, но я этого не понимал.

А потом, в тот день, когда я получил контузию, я отправился доставить какие-то запчасти к орудиям — к большим орудиям. По дороге снаряды французских военно-морских орудий — стационарных орудий — падали по обе стороны от нас, и мой уорент-офицер сказал мне: «Послушай, мы сидим слишком близко друг к другу. Давай-ка немного рассредоточимся». Ну, я попытался нырнуть под водопропускную трубу под дорогой, но там уже была куча пехотинцев. Они закричали: «Убирайся отсюда к чёрту! Здесь для тебя нет места!», поэтому я лёг рядом с террасой, [по которой проходила дорога]. У меня было около пяти секунд с момента, когда они производили выстрел из своих больших орудий, до момента разрыва снаряда, так что всё было нормально — я выбрался оттуда целым.

А в другой раз одно из наших орудий взорвалось примерно в десяти ярдах передо мной - ствол этого орудия просто вот так разорвало, и взрывная волна ударила мне в спину. Я находился всего примерно в десяти ярдах от него, сзади. Это было не самый приятный момент, думаю, именно в тот день погиб мой капитан, тот самый человек, которого я возил на этой машине. Я охранял его всю ту ночь, а на следующий день мы его похоронили. Мы просто сделали для него простую, наскоро устроенную могилу.

После этого нам назначили другого офицера, и он был тем самым человеком, который всё время говорил: «Езжай быстрее». А потом, в день, когда французы подписали капитуляцию, я стоял на обочине дороги, когда мимо проехали французские генералы. В тот день я вообще ничего не чувствовал, совершенно ничего. Думаю, это было отчасти следствием контузии, а отчасти — травмы нервной системы, которую я получил. Рядом с нашей машиной у меня был окопчик, и каждое утро или каждый вечер я его углублял ещё немного, но каждое утро французский самолёт пролетал над нами и пытался нас обнаружить. Каждый раз углублял свой окоп ещё вот настолько. Если бы он сбросил бомбу, она бы, конечно, обрушила его прямо на меня.

Вы потеряли много друзей в Сирийской кампании?

Да. Из всех сражений, в которых мы участвовали к тому времени, в этом мы понесли самые большие потери. Думаю, около 1400 человек были убиты или ранены, включая моего капитана. Потерь было очень много, потому что эти чёртовы парни из Французского Иностранного Легиона были хорошими бойцами. Именно там [лейтенант Артур] Роден Катлер получил свой *Крест Виктории*. Он находился примерно в десяти милях от нас или даже ближе — не думаю, что расстояние было больше. Он совершенно точно заслужил эту награду.

Ещё был такой случай - однажды во время боя я решил искупаться в Средиземном море — немного помыться, освежиться, и тут прилетел французский самолёт и начал сбрасывать то, что называли «косилками» — *daisy cutters*. Когда они падают, они раскручиваются..., а я в это время был в воде. Скажу вам, я выскочил из воды довольно быстро и сразу высох. Это было мне уроком: нечего ходить плавать, когда идут бои.

Вам доводилось вступать с французами в ближний бой?

— Нет, нет. Думаю, никто из нас там не вступал в ближний бой, кроме, пожалуй, пехотинцев. Хотя мы находились от них совсем недалеко. В какой-то момент моя машина стояла непосредственно вместе с пехотой, хотя по идее они должны были находиться на переднем крае.

Как вы справлялись с напряжением и опасностью боя?

Никаких проблем: я был подготовленным солдатом. Был только один случай, когда нам пришлось очень быстро перемещаться. Мы подумали, что противник приближается со стороны моря. Там было несколько небольших судов, и мы решили, что это противник. Нам пришлось быстро уходить.

Даже там, где приходилось гонять по участку, который мы называли «безумной милей», — когда я вёз грузовик, или эту самую машину, вверх к какой-то ферме, — мы слышали, как начинали падать снаряды, и знали, что у нас есть всего пять секунд, чтобы добраться

туда... Понимаете, из-за траектории снарядов, которые летели в нашу сторону, мы могли успеть проскочить. Вот это и была наша «безумная миля».

Ещё кое-что я хотел сказать об этом. Когда британские коммандос высадились у реки Литани, они высадились не на той стороне реки. И снаряды с нашей стороны разрывались прямо вокруг них. Позже в тот день я пошёл посмотреть, что там произошло - там лежали все эти прекрасные молодые парни с белоснежными улыбками... Все мёртвые, все до одного. Думаю, я никогда не смогу этого забыть. Меня поразило то, какие у них были красивые зубы, но они были мертвы. Это были шотландцы. Они высадились не на той стороне реки, думаю, они, возможно, попали под огонь с обеих сторон.

То есть ваша собственная артиллерия тоже стреляла туда?

Да. Снаряды разрывались вокруг них со всех сторон. Там одновременно работала и французская артиллерия, и наша.

Их погибло много?

В своём дневнике я записал, что, по-моему, там было больше сотни погибших. Я вам скажу — это действительно сильно на меня повлияло. Наверное, именно тогда я очень, очень быстро повзрослел.

Хорошо. Я хотел ещё спросить: вы говорили, что, когда пересекали Суэцкий канал, попали под огонь противника?

Мы попали под бомбардировку с воздуха.

Можете рассказать об этом? Что вы тогда чувствовали?

Думаю, тут особо нечего рассказывать. Они сбрасывали бомбы, а мы переправлялись через Суэцкий канал на баржах. Не было никакой паники, никаких окопов, никаких укрытий или чего-нибудь подобного. Просто дело обстояло так: «Чёрт возьми, мы приехали на войну». Как я уже говорил раньше, у меня был [Advocaat](#), чтобы промыть горло от пыли. Вот, пожалуй, и всё, что я об этом помню.

ЛАЙОНЕЛ СМИТ (LIONEL SMITH)

Батальон 2/14

Где вы впервые вступили в бой?

Первый настоящий бой был в Сирии. Мы перешли границу у Литани и вошли в Сирию. Это было примерно в мае-июне 1941 года. Сирийская кампания была довольно жестокой. Противостояли нам подразделения Французского Иностранного Легиона вишистской Франции. Именно они были нашим противником. В их составе было много немцев,

голландцев, французов и людей из северной Африки. Был среди них и один англичанин. Однажды утром они атаковали нас, но мы отбили атаку.

Я нашёл журнал боевых действий этого взвода, и в нём было написано по-французски: «Н. Oliver дезертировал» — то есть якобы дезертировал и перешёл на сторону противника. Наш офицер Билл Лэндей (Bill Landale) свободно говорил по-французски, и я передал журнал ему. Этого Оливера застрелили — пуля прошла через затылок. На самом деле он вовсе не собирался дезертировать к нам. Но, думаю, в основном французские офицеры Иностранного Легиона решили, что он, возможно, решил перебежать к нам, и просто прикончили его. Довольно мрачная история, но что ж — это война.

Мы перешли границу. Первого человека мы потеряли прямо на границе. Мы вступили в место под названием Тир — упоминавшийся в Библии город на границе. Пока мы находились в Тире, над нами пролетел самолёт - британский бомбардировщик *Ланкастер/Lancaster*. Он находился всего в нескольких сотнях футов над нами и просто делал круги над нами снова и снова. Весь батальон на тот момент находился в небольшом районе Тира, где стояли дома из сырцового кирпича и какой-то очень древний храм, относящийся ещё ко временам Христа, и мы недоумевали, почему этот самолёт всё время кружит над нами. А на следующий день, когда именно этот бомбардировщик сбросил бомбы неподалёку от нас, мы поняли, что на самом деле он пытался бомбить тяжёлые артиллерийские орудия. Это были английские орудия. Они находились на обратном от нас склоне холма.

Наше отделение было послано туда капитаном Ховардом (Howard). Он сказал: «Идите туда и проследите, чтобы никто не атаковал орудия. Вы должны защищать эти орудия в случае, если кто-нибудь появится со стороны гор и попытается к ним подобраться» ... Эти орудия, когда стреляли, буквально отрывали тебя от земли. Землю встряхивало после выстрела невероятно сильно, потому что орудия находились прямо за холмом, рядом с нами. Потом мы поняли, что у того самолета ... были подделаны опознавательные знаки на крыльях. Французские опознавательные знаки имели красный круг снаружи, белый цвет внутри и синий круг в центре. У британцев внешний круг был синим, а центральный круг — красным. Французы захватили этот самолёт во Франции, перегнали его в Сирию и использовали против нас. У них также был *Харрикейн/Hurricane*, который штурмовал наши позиции с бреющего полета. На следующий день мы находились на открытой местности, и этот *Харрикейн* пронёсся над нами. К счастью, пули прошли по обе стороны от нас, буквально прочертив линии в земле. Это действительно очень сильно действует на тебя — когда тебя обстреливают с воздуха. Этот самолёт возвращался ещё один или два раза и пытался уничтожить находившиеся в этом районе войска...

Там мы захватили около тридцати французов, и они стояли на дороге — по крайней мере, человек тридцать там было. Там находился Джон Хетерингтон (John Hetherington, 1907-1974), один из наших военных корреспондентов. Позже он рассказал нам вот о чем: этот самолёт вернулся и, разворачиваясь в воздухе, открыл огонь по этим французским военнопленным и расстрелял довольно много своих же людей — конечно, пилот даже не знал, что стреляет по своим. Уже вскоре этот пилот был сбит, когда летел в сторону Бейрута. Это была очень ровная местность, и там находилась пара наших станковых пулемётов. Они открыли огонь по самолёту после того, как тот обстрелял собственных солдат.

В общем, нам пришлось действовать на довольно сложном участке. Нас вывели из прибрежного района Сирии и направили в Джезин, а из Джезина — к горе Харат. Там была очень гористая местность. Гора Харат находилась в таком месте, что окружающие её вершины были выше её самой. Поэтому фактически французские войска занимали господствующие высоты — они контролировали все высоты вокруг нашего расположения. Некоторые наши части сумели вытеснить их с восточного фланга полосы окружающих нас высот. В конце концов мы добрались до нижних склонов горы Харат. Билл Лэндей поднялся туда вместе с Рупертом Уайтом (Rupert White), который служил в нашей части в отделении разведки. Там Руперта и подстрелил французский снайпер. Это произошло совсем недалеко от того места, где находились мы. Билл стащил его вниз, к нам. На этом всё для

Руперта Уайта закончилось. Мне было особенно тяжело, потому что я знал Руперта ещё молодым пареньком, когда мы оба жили в Айвенго/Ivanhoe.

Мы оказались в довольно неприятном положении: французы могли беспрепятственно вести по нам снайперский огонь. Так продолжалось первые два дня. Затем мы обошли их с тыла и обнаружили довольно много французов на обратном склоне — ещё до восхода солнца, ещё до того, как появился первый свет. Мы обошли их сзади и захватили довольно много французских солдат на склоне перед нами. Я выбрался на вершину горы Харат вместе с Бобом Робертсом (Bob Roberts) и Лу Уоллером (Lou Waller). Мы собрали довольно много камней и выложили из них укрытие. Справа от нас находился пулемёт *Брен/Bren*. Как только рассвело, французы определили расстояние до нас. У них было автоматическое оружие большой дальности, и каждые несколько минут они давали короткую очередь. Пули били по стенкам нашего укрытия, поэтому мы весь день не могли двигаться. Нам пришлось по большей части оставаться за ним, но время от времени мы высывались, перекатывались наружу и сами давали несколько очередей.

Что из себя представляло ваше укрытие?

Это была такая каменная стенка — примерно два фута в толщину и по меньшей мере два фута в высоту, а в длину он был около шести футов. Робертс, Лу и я находились за ним, и, как я уже сказал, мы просто не могли двигаться. Потому что если мы двигались, то приходилось выкатиться наружу, дать несколько очередей из *Брена*, а потом снова забираться за укрытие. К тому времени, когда ты возвращался, пули уже били по этой стенке. В тот момент находиться там было, конечно, немного глупо. Мы могли бы перебежать куда-нибудь, но нам пришлось бы покрыть расстояние примерно в пятьдесят метров, чтобы добраться до места, где можно было бы залечь и оказаться вне зоны пулемётного огня. Но артиллерия тоже вела огонь по этому району, причём артиллеристы заранее установили все расстояния ещё до того, как начали стрелять. Они точно знали, куда будут падать снаряды. В основном они падали на городок Джебзин, который находился в долине позади нас. Один из наших парней, Оливер Досситер (Oliver Dossiter), был из нашего взвода, и он погиб там от разрыва снаряда. Снаряды у французов были ещё времён Первой Мировой войны, и примерно каждый четвёртый снаряд вообще не взрывался. На самом деле довольно много снарядов попадало в вершину горы, где находились мы, а затем отскакивало в сторону. К счастью, они не долетали до нас, иначе нас просто разнесло бы на куски.

Но это был довольно насыщенный событиями день. Мы сидели там, и Робертс, просто чтобы убедиться, что мы всё ещё живы, время от времени бросал в кого-нибудь из нас камешек и попадал прямо в стальную каску. Просто ради собственного развлечения — и заодно чтобы проверить, что мы ещё живы. С горы Харат мы продолжили продвижение вперёд.

Как долго вы просидели за этой стенкой?

Весь день. Мы поднялись туда утром и провели там весь день. Просто не могли двигаться. На следующий день — или через два дня — мы уже продвинулись дальше. Французы тоже находились под огнём дивизионов полевой артиллерии 2/4 и 2/5. Они сумели подавить огонь французов, и пехота противника фактически отступила в сторону Бейрута. Мы двинулись вслед за ними, когда они начали отходить. Мы продвигались вперёд и оказались в одном районе, который был связан с римско-католической церковью — там находился монастырь. В тот день мы слышали, что немцы напали на русских и Россия объявила войну Германии. Тогда мы все ликовали, потому что до этого гадали, когда же наконец произойдёт что-нибудь хорошее для союзников. До этого немецкая армия просто прокатилась по всей Франции. Немцы высадились в северной Африке и там тоже добивались успехов, поэтому мы были очень рады услышать, что русские вступили в войну на нашей стороне.

В конце концов мы вышли к Бейруту. Там находилось около двадцати семи тысяч французов, которых мы окружили в окрестностях города. Мы находились в месте под названием Алей — это господствующая высота к востоку от Бейрута, и там находились все

эти французские войска. Генерал Денц был бригадным генералом и командовал французскими войсками. Он заключил соглашение о перемирии [13 июля 1941 года] с нашим командующим, [генералом Лавараком](#) (John Dudley Lavarack - командующий 7-й Австралийской Дивизией). По этому соглашению мы предоставляли им тридцать шесть грузовиков муки, соли и других продуктов, после чего объявлялось перемирие.

Французам также позволяли самим решить, хотят ли они быть отправлены обратно в Марсель. Ну, около двадцати тысяч французов погрузились на эти французские корабли, а примерно семь тысяч отправились в новый лагерь возле Дамаска, и именно они в то время стали ядром армии де Голля. Были и другие французы, которые отправились в Египет. Они тоже впоследствии вошли в состав сил *Свободной Франции*. Некоторые французы, которые хотели перейти к де Голлю или пытались это сделать, были расстреляны самими вишистами ...

РЭЙМОНД БОЛДУИН (RAYMOND BALDWIN)

Батальон 2/27, 7-я Дивизия

С кем вам предстояло воевать в Сирии?

Как вы теперь знаете, Франция была разделённой страной — разделённой между *Свободной Францией* и вишистской Францией. Сирия была оккупирована войсками вишистской Франции, которые были настроены прогермански, и в их составе находились подразделения Французского Иностранного Легиона. Когда я был мальчишкой, я всегда читал о том, что они готовы воевать с кем угодно и где угодно, так что должно было быть довольно здорово с ними покончить.

То есть вы должны были выступить против них?

Да.

Что вы думали по этому поводу, уже имея какое-то представление о том, кто они такие и какими силами располагают?

Вам, возможно, будет трудно в это поверить, но ни тогда, ни на протяжении всей Сирийской кампании мне не было страшно. Это, конечно, немного преувеличение, но в целом я вообще не испытывал страха. Меня совершенно не беспокоило, что со мной может случиться. К тому же мы были уверены в собственных силах. Наш батальон был превосходной боевой частью.

Итак, вы залегли в оливковой роще, ожидая приказа, а что произошло, когда он наконец поступил?

На этом этапе я должен объяснить, что 21-я Австралийская Пехотная Бригада состояла из трёх батальонов. Во-первых, Батальон 2/4 — это были исключительно парни из Виктории.

Батальон 2/6 состоял исключительно из парней из Западной Австралии. Наш батальон состоял из парней из Южной Австралии — за исключением одного человека. Затем была другая бригада 7-й Австралийской Дивизии. В неё входили Батальон 2/25 — квинслендцы, Батальон 2/31 — насколько я помню, ребята из Нового Южного Уэльса, и Батальон 2/33. Вместе они составляли 25-ю Бригаду 7-й Дивизии. Другая бригада — 18-я — всё ещё находилась в Тобруке.

Вторжение в Сирию осуществлялось по двум направлениям: одно проходило вдоль побережья, а второе — через центральную часть страны, в направлении Дамаска. Наша бригада двигалась вдоль побережья, и нашей целью было захватить Бейрут, что мы в конце концов и сделали. Мы начали наступление вдоль побережья. Я находился в 13-м Взводе Роты С. Какое-то время всё происходило довольно спокойно. Мы передвигались на грузовиках там, где это было возможно, а войска, находившиеся впереди нас, шли пешком и зачищали позиции противника, на которыми наталкивались. В конце концов пришла наша очередь провести ночную атаку. Это было в месте под названием Адлун. В армии считалось, что ночная атака — одна из самых сложных операций, которые вообще можно проводить. Днём не так плохо: ты видишь, куда идёшь, и знаешь, где находится противник, потому что видишь всё то, что летит в твою сторону. Ночью всё гораздо сложнее. Нам несколько облегчало задачу то обстоятельство, что мы находились на побережье: море было нашим левым флангом, а горы — правым. Так что в целом всё было не так уж плохо.

Это был первый раз, когда я действительно почувствовал страх, но это продолжалось всего пару долей секунды. Когда мы двигались вперёд, мы бросили гранаты в несколько ДОТов, но в тот момент сопротивления не было. А потом вдруг, во время этой полуночной атаки, вся позиция противника разом открыла по нам огонь. Они здесь хорошо закрепились: у них было много пулемётов, и их трассы летели прямо в нашу сторону. Честно говоря, на пару секунд я был буквально парализован от страха, но затем здравый смысл взял верх. Я резко бросился на землю, и после этого начался настоящий бой. Он продолжался всю ночь. Парень, который находился рядом со мной, был нашим пулемётчиком - он погиб мгновенно в первые же несколько минут. Я видел, как трассы очередей летели прямо в него, и помню, как кричал ему: «Откатись! Откатись в сторону!», но он не успел этого сделать. К счастью, он не мучился. И тогда я взял пулемёт на себя. Бой продолжался всю ночь, в большинстве случаев противника вообще нельзя было увидеть — только вспышки выстрелов, поэтому оставалось надеяться, что ты попал в цель. У них было то же самое по отношению к нам.

Это было захватывающе?

Я бы не сказал, что захватывающе. Повторюсь: по какой-то причине мне не было страшно. Наверное, потому, что у каждого из нас была своя часть работы, которую нужно было выполнить. Думаю, самое тяжёлое в бою — это ожидание, ожидание момента, когда тебе предстоит идти в бой. А когда всё начинается, у тебя столько всего в голове, что, я думаю, у тебя просто нет времени по-настоящему бояться.

Если немного вернуться назад: вы двигались к Бейруту вдоль побережья?

Да.

Как передвигался батальон?

Сначала, как я уже говорил, мы перемещались на грузовиках. Потом, когда достигали определённого места, передовым подразделениям приходилось высаживаться и начинать тактическое продвижение вдоль прибрежной дороги или в горной местности. В основном мы двигались пешком. Не каждый участок местности был занят противником: они выбирали определённое место, где, по их мнению, могли нанести нам потери. А потом мы могли пройти ещё полмили, прежде чем столкнуться со следующим очагом сопротивления, или даже милью. Так что на таких участках вам иногда удавалось немного проехать на грузовике. Но в основном мы передвигались на своих двоих.

Сколько веса вы несли на себе?

Думаю, тогда нам не приходилось особенно беспокоиться о продовольствии, потому что его позже подвозили другие. Но оружие, боеприпасы, гранаты и всё остальное... В общей сложности, наверное, около тридцати пяти — сорока фунтов.

Вы помните, какой была местность?

Да. Вдоль побережья местность была довольно ровной. Поскольку расстояния были небольшими, потом она начинала становиться холмистой, а затем гористой. Сирия вообще, как известно, очень гористая страна.

Вы где-нибудь перегруппировывались перед боем?

После — это более подходящий вопрос. Мы находились в боевом порядке для этой полуночной атаки. Когда всё закончилось, после того как мы отдохнули, убрали погибших и эвакуировали раненых, нам дали немного еды. К этому времени другие войска уже прошли через наши позиции, чтобы продвигаться дальше и проводить свои атаки, разведку или выполнять любую другую задачу, которая требовалась.

Можете описать, как именно выглядел ваш боевой порядок перед атакой?

В данном конкретном случае моя рота, Рота С, находилась на левом фланге, непосредственно со стороны моря. Затем она уходила в глубину примерно на сто ярдов, а справа к нам примыкала Рота В. Таким образом, весь боевой порядок представлял собой примерно такую «губку»/sponge — два взвода впереди и один в резерве. То есть всего четыре взвода находились впереди и два в резерве. Примерно так.

А где находились вы во всём этом построении?

Довольно близко к морю и недалеко от самой дороги. Французы очень, очень хорошо окапывались. У них были превосходные укрепления. Они явно не собирались оттуда уходить, пока их оттуда не выбьют, но мы в конце концов и сделали.

Какое настроение было среди солдат, когда вы разворачивались для боя? Это была новая территория, вы ещё практически не видели настоящего боя. Что чувствовали парни, солдаты?

Если они чувствовали примерно то же, что и я, то это было чувство тревоги и беспокойства. Ты задавался вопросами: «Как всё это будет? Как я себя покажу? Чем всё закончится? Что будет, если меня ранят?» — и всякие подобные мысли. Именно такие мысли проходят в голове у солдата — по крайней мере у человека, который идёт в атаку.

Вам когда-нибудь хотелось повернуть и побежать в противоположную сторону?

Я надеюсь, что вы зададите мне этот вопрос позже.

Почему командование решило провести именно полуночную атаку?

Не знаю. И это хороший вопрос — мне его раньше никогда не задавали. Если подумать сейчас, наверное, лучше было бы провести атаку днём. Возможно, они рассчитывали, что это станет полной неожиданностью для противника. Возможно, французы раньше с таким не сталкивались. Мы были очень хорошо подготовлены, мы были готовы. Честно говоря, нам уже не терпелось вступить в бой и доказать, на что мы способны. Думаю, это могло сыграть свою роль. Возможно, с точки зрения разведки предполагалось, что противник не ожидает атаки в полночь.

Вы уже развернулись для боя. Вы сначала окапывались, а потом переходили в атаку?

Нет.

Как всё происходило?

По вам могут начать стрелять в любой момент. При этом первое, что вы делаете, — падаете на землю. Никакого специального окапывания на этом этапе нет. Вы используете любое

укрытие, какое только можете найти. Даже совсем небольшая неровность местности может защитить вас от прямого огня. И только если вы собираетесь оставаться на этом месте довольно долго, вы вообще начинаете думать об окапывании. Но в ту ночь об этом даже речи не шло. Бой продолжался непрерывно. обе стороны стреляли без остановки, поэтому вы делаете всё, что можете, чтобы найти хоть какое-нибудь укрытие.

Они знали, что вы приближаетесь?

Не знаю. Чтобы полностью ответить на этот вопрос: когда мы почти подошли к исходной позиции, в воздух взвились осветительные ракеты. И по сей день я не знаю, кто их запустил — наши люди или французы. Если подумать сейчас, полагаю, они могли услышать наше приближение или ожидать, что мы вот-вот появимся, и тогда запустили эти ракеты. Они осветили всё вокруг почти как днём. Ракеты висели повсюду. Именно тогда все резко бросились на землю и открыли огонь из своего оружия.

В такой ситуации каков план? Вы обнаружены, все начинают стрелять — что вы делаете?

Вы должны отвечать огнём, иначе вы проиграете бой. Ночью хорошо маневрировать невозможно: вы находились под фронтальным огнём. Помните, Рота В была справа от нас, и они начали немного смещаться вправо, на фланг, вверх, в предгорья. Оттуда они могли смотреть вниз на французские позиции. Это могло дать хороший результат — они могли видеть больше, чем мы видели со своей плоскотины. Кстати, мы находились на ровной местности, в отличие от этого холмистого участка, где в основном находилась Рота В.

А французские позиции? Они тоже находились в долине или тоже на равнине?

Тоже на равнине. При этом их силы в определённой степени опирались на море. Не знаю, насколько далеко их позиции протягивались в сторону невысоких холмов этого конкретного района.

Вы представляли себе, сколько человек вам противостояло?

По интенсивности огня можно было понять, что сил у них довольно много. Это было совершенно очевидно, и довольно долго между нами шла настоящая перестрелка [*a bit of a ding-dong*].

Какие звуки вы слышите в такой ситуации?

Какие только можно представить. Всякие громкие звуки. Стрельбу из самых разных видов оружия: одиночные выстрелы из винтовок, пулеметные очереди, взрывы гранат.

Хаос?

Да, именно так.

Вот что я хотел у вас спросить. Я понимаю, что вы не можете знать точных цифр, но можете ли вы примерно представить, сколько союзных войск находилось в этом районе и, возможно, сколько было сил у противника?

Непосредственно в нашем секторе находился наш батальон: четыре стрелковые роты — две впереди и две в резерве. Позади нас находился так называемый тыловой эшелон. Эти люди занимались подвозом боеприпасов и продовольствия, а также эвакуацией раненых. Насколько мы знали, непосредственно перед нами находился как минимум один батальон *Французского Иностранного Легиона*, хорошо закрепившийся на той конкретной позиции. Что касается общей численности сил противника, то я тогда не знал, сколько их там было.

Французы пытались пробиваться на юг или вы пытались удерживать их там, где они находились?

Нет, мы пытались выбить их оттуда, чтобы получить возможность продвигаться дальше. Они вообще не собирались нас атаковать. Это мы атаковали их, а они находились на том, что называется оборонительной позицией.

Середина ночи, все стреляют. Кто-нибудь вообще понимал, по чему именно стреляет? Вы говорили, что стреляли по вспышкам. Как вы могли знать, что попадаете в цель?

Это хороший вопрос: вы никогда этого не знали. Стрельбы было так много, что невозможно было услышать отдельные голоса. Даже парень, находившийся рядом со мной, погиб совершенно беззвучно. Я кричал ему, чтобы он перевернулся на бок, но я не думаю, что он меня слышал, такой стоял оглушительный шум и грохот. Со стороны противника вообще не было слышно никаких человеческих голосов из-за непрерывной стрельбы. Это был довольно ожесточённый бой, и я не припоминаю, чтобы слышал какие-либо голоса.

На рассвете мы пошли в штыковую атаку, и это решило исход боя. Думаю, к тому времени противнику уже был сыт им по горло, потому что особого сопротивления они не оказали. Как только мы пошли вперёд со штыками наперевес — в общем, на этом всё и закончилось.

У вас был штык?

Да.

Вы вступили с противником в непосредственный контакт?

Да, довольно близко. Один из наших парней получил там *Военную Медаль/War Medal* — фактически это был самый старший по возрасту человек в батальоне — именно за то, что атаковал противника со штыком. Я штык не использовал - мне не пришлось этого делать, и я был этому весьма рад.

На этом этапе противник отступил или сдался?

Нет, они просто сдались. Они подняли руки вверх. Думаю, мы нанесли им довольно большие потери, потому что всю ночь вообще не прекращали стрелять. В моём случае я израсходовал все патроны, которые были у меня при себе. Я, конечно, всего один человек, но с нашей стороны стрельба продолжалась непрерывно — и с их стороны тоже.

Как при таком уровне шума до вас вообще доходили приказы? Если в течение ночи тактика менялась, каким образом офицеры могли вам об этом сообщить?

Им пришлось бы подняться и буквально кричать, стараясь заставить людей подняться и идти за ними, но необходимости в этом не было. Это была одна из тех ситуаций, когда все оказались намертво скованы. Они были прижаты к земле нашим огнём, а мы были прижаты к земле их огнём. К тому же особо маневрировать было негде, потому что Рота В, как я уже говорил, находилась на склоне, и они вели огонь прямо сверху по их позиции. Для французов это, должно быть, было довольно неприятно, а для нас — в самый раз.

Когда взшло солнце, что вы увидели? После целой ночи в темноте — что открылось перед вами на рассвете?

Когда появился первый свет, мы увидели перед собой тела убитых, а также здания, находившиеся на этом участке. Мы увидели, что они были разрушены взрывами, а некоторые всё ещё горели. Мы увидели наших ребят на склоне, которые всё ещё вели огонь по позициям противника. Откуда-то — я не знаю, откуда именно — поступил приказ: «Вперёд, в штыковую!», и именно это и произошло. Мы просто поднялись и пошли на них.

Это ведь был ваш первый непосредственный опыт ближнего боя?

Лично для меня — да, это был первый непосредственный контакт. До этого батальон уже участвовал в столкновениях дальше вдоль побережья, до нашей полуночной атаки.

Вы видели лица солдат противника?

Да.

Что вы при этом чувствовали?

В первую очередь облегчение. Было облегчением сознавать, что мы пережили эту ночь и нас не убило и не ранило. Хотя мы сами тоже понесли довольно серьёзные потери — были и раненые, и убитые, но мы увидели их позже, когда начали продвигаться вперед. Первой нашей задачей было захватить эту позицию. Мы это сделали, и, как я уже сказал, они сдались. Это значительно всё упростило.

Наступил рассвет, вы пошли в атаку со штыками наперевес. В какой момент поступил приказ прекратить огонь?

Как только они начали поднимать руки вверх, а Рота В спустилась с предгорий и также обошла их с тыла. После этого уже не было необходимости отдавать какие-либо приказы. Всё более или менее само собой разрешилось, когда они сдались.

Что произошло потом с этими военнопленными?

Их отправили в тыл, ничего такого с ними не сделали. Их взяли под охрану и увели. Вы раньше спрашивали меня о частях, находившихся у нас за спиной. Батальоны 2/14 и 2/16 находились далеко позади нас в резерве. Так что, вероятно, французов провели через их позиции и отправили дальше в тыл, в места содержания военнопленных. Что с ними сделали в дальнейшем, я не знаю.

Австралийцы угощают сигаретами пленных сенегальцев...

Вы представляете, сколько австралийских солдат погибло или было ранено?

Точно не помню, и никогда не пытался свести все цифры воедино. Но, думаю, что-то около двадцати погибших и чуть больше тридцати раненых. Для одной ночной атаки это не так уж много. Кроме того, когда стреляешь ночью, ты обычно ведёшь огонь выше голов людей, а не непосредственно по ним. Нужно было какое-то время, чтобы мы это поняли. А потом, когда до нас это дошло, огонь уже начал оказывать на противника ощутимое воздействие. Думаю, к тому времени, когда мы захватили эту позицию, они понесли довольно тяжёлые потери.

Когда вы смотрели на их лица, это были такие же восемнадцатилетние и девятнадцатилетние парни, как австралийцы?

Нет, большинство из них были уже зрелого возраста, и это было довольно характерно для всей той кампании. Я не помню, чтобы видел хотя бы одного солдата, который выглядел бы совсем молодым.

Не считая австралийцев?

Именно. Бойцы Французского Иностранного Легиона — это профессиональные солдаты. А какими были французы-вишисты, я не знаю. Нет, за всю Сирийскую кампанию я вообще не видел ни одного человека, которого можно было бы назвать молодым — под «молодым» я имею в виду примерно двадцать пять лет или младше.

Наверное, рядом с ними вы выглядели совсем детьми?

Я был самым молодым подофицером - очень гордым младшим капралом. Но был ещё один парень, который сейчас живёт в Кингстоне, на реке Маррей. Мы с ним были практически ровесниками и соперничали за звание самого молодого. Мне тогда всё ещё было восемнадцать.

О чём вы думали, когда всё это закончилось — атака состоялась, французы сдались?

Было какое-то чувство облегчения, и, как ни странно, гордости. Мы их разбили. Вот это да — по-настоящему. А потом оглядываешься вокруг и видишь погибших солдат, и это уже несколько отрезвляет. Когда человек погибает, это тяжело, неважно, свой это солдат или противник.

Что вы видели?

Зависит от того, куда человек был ранен. Иногда на погибшем вообще невозможно было увидеть никаких повреждений, возможно, потому что пуля проникала через одежду и оставляла очень маленькое отверстие. Мы использовали много ручных гранат и тому подобного. Тут уже всё было достаточно очевидно: на телах оставались следы, повреждения и так далее. Но иногда вообще не было видно никаких внешних следов.

Раз уж вы задали мне этот вопрос, я расскажу вот что. Ещё до этой полуночной атаки я наткнулся на небольшую пещеру в районе побережья. Не знаю, что заставило меня заглянуть туда. Я был один. Там лежал офицер Французского Иностранного Легиона — в полной парадной форме, с довольно внушительным количеством медалей. Он был мёртв. И на нём не было ни единой видимой отметины, которую я мог бы разглядеть. Я доложил об этом командиру своего взвода, но что произошло потом, я не знаю. Как он умер — понятия не имею. На нём вообще не было никаких видимых ран или повреждений. Возможно, это была контузия или что-нибудь в этом роде. Позже, наверное, начинаешь внимательнее смотреть на тела погибших, и некоторые из них действительно довольно тяжело видеть.

А как всё это воспринимали солдаты? Вы видели, как погибших из вашей части выносили с поля боя?

Да. В том месте всё было не так уж плохо, потому что погибших и раненых довольно быстро эвакуировали. У нас был транспорт, чтобы как можно быстрее вывезти их оттуда, особенно, конечно, раненых.

Вы знали кого-нибудь из тех, кто был ранен или погиб?

Да. Я забыл упомянуть пулемётчика, который погиб сразу справа от меня. Как выяснилось, он учился в одной школе с моей сводной сестрой, и он был значительно старше большинства из нас. Его звали Дик Пезерик (Dick Petherick), думаю, ему тогда было около тридцати пяти. У меня был ещё один молодой друг. Он был ранен, а потом умер — это был мой близкий приятель. В конце концов ты очень хорошо узнаёшь людей, которые находятся рядом с тобой — в твоём отделении и взводе. Это примерно тридцать с лишним человек. Потом ты знакомишься и с другими, но уже не так близко. Когда вы находитесь в одном взводе, это очень сплочённая семья. И да, некоторых из этих людей я потерял.

Когда вы настолько близки с несколькими людьми, потеря одного из них, должно быть, переживается очень тяжело?

Да. Ты знаешь, что это обязательно случится, и, конечно, надеешься, что это случится не с тобой. Это очень тяжёлое испытание.

Вы всё ещё были очень молоды и, вероятно, смотрели на мир глазами молодого человека?

Именно. Я уже говорил, что в Сирии я не испытывал страха, и тогда тоже. Всё это воспринималось скорее как большое приключение, наверное. Ты был частью этого огромного события — всего лишь маленькой его частью, но всё же частью.

Учитывая, что бой было таким продолжительным и это был ваш первый настоящий ближний бой, как вы потом отошли от этого вброса адреналина?

Я об этом особо не задумывался, но к тому времени, когда всё закончилось, мы, конечно, все были совершенно измучены. Потом нам подвезли продовольственные пайки, мы немного позавтракали, а затем начали разговаривать между собой. Сравнивали, сколько каждый израсходовал боеприпасов, обсуждали, кто что делал, что делал противник и как вообще всё это разворачивалось. Если честно, я особо об этом не задумывался.

Я бы предположил, что штыковой бой должен был быть довольно тяжёлым психологически?

Да. Когда я был мальчишкой и служил кадетом при полку, у меня на заднем дворе росла груша, и я тренировался, нанося по ней удары штыком. Представлял себе, что это настоящий противник.

Вы тогда не думали, что однажды вам действительно придётся сделать это по-настоящему?

Нет.

После этого сражения поле боя очистили от раненых и погибших, а военнопленных увели?

Да.

Вы сказали, что, насколько вам было известно, с военнопленными обращались хорошо?

Всё время. С военнопленными вообще никогда плохо не обращались.

Что произошло после этого?

Затем мы перешли в резерв. Думаю, Батальон 2/16 или какой-то другой батальон прошёл через наши позиции, чтобы продолжить наступление вдоль побережья. Мы остались на месте, немного привели себя в порядок, получили свежие боеприпасы, проверили оружие, почистили его и всё такое и подготовились к продвижению туда, где мы были нужны.

Но мы находились там недолго, потому что сражение было довольно динамичным. Мы вообще нигде долго не задерживались. Мы атаковали какую-либо позицию, а затем продолжали двигаться дальше. Как только противник начинает отходить, нужно продолжать давить на него, и тогда он всё время отступает. Наш командующий был хорош в этом. Мы часто применяли то, что называли обходными манёврами. То есть поднимались в горы, чтобы выйти противнику в тыл. Им это совершенно не нравилось, это действовало на них очень деморализующе.

А тем временем где находились сирийцы? Что они делали?

Насколько мне было известно, сирийцев в армии вообще не было. Там были либо вишистские войска из Франции, либо части Иностранного Легиона. Сирийских солдат там

не было — во всяком случае, насколько мы знали. А если у них и была какая-то армия, то бог знает, что это была за армия.

То есть вы и французы воевали в Сирии, но сирийских солдат вообще нигде не было видно?

Именно, по крайней мере солдат. Но когда мы проезжали через деревни по прибрежной дороге, бывало, что где-нибудь наверху, на холме, по кому-то стреляли, а внизу, в небольших ложбинах, местные жители спокойно жали свои посевы вручную. Довольно необычная была кампания. После того как мы захватывали какой-нибудь населённый пункт, местные жители хорошо к нам относились. Мы могли купить у них приготовленную курицу или выпить чашку горячего чая. Они были готовы нам помогать. Я не думаю, что солдаты Иностранного Легиона плохо обращался с местными, но, возможно, они были рады, когда легионеры и вишисты начали уходить оттуда. Это единственное объяснение, которое я могу придумать. Они совершенно точно не были настроены против австралийцев.

Насколько далеко вы продвинулись вдоль побережья?

Мы продвигались поэтапно. Мне даже пришлось немного вернуться назад — от сирийской границы к месту под названием река Литани. Там была переправа, и перейти её было трудно из-за огня противника. Британское командование потеряло там нескольких человек. Но мы продолжали двигаться вперёд — к следующему намеченному рубежу. Как я уже говорил, были только определённые места, где противник мог организовать оборону. Мы называли такие места «убойными зонами» — *killing ground*.

А в какой момент вы остановились и повернули обратно? Насколько далеко вы дошли?

До самого Бейрута. Фактически последний бой произошёл в месте под названием Дамур — сражение на реке Дамур. После того как мы захватили эту позицию, противник сдался, а затем Бейрут пал довольно легко. Сопrotивления непосредственно в городе вообще не было.

Австралийцы на подступах к Дамуру

Вы помните, каково было продвигаться к Бейруту?

Было интересно, потому что Сирия вообще прекрасная страна. Думаю, нам она казалась ещё прекраснее оттого, что мы всё время находились прямо на побережье. Очень живописная страна, хотя пробираться через холмы было тяжёлой работой. Мы были молодыми, физически крепкими и уверенными в себе, а батальон действовал как единая, великолепно слаженная команда. В этом нет никаких сомнений.

Вы присутствовали при взятии Бейрута?

Да, но непосредственно в Бейруте я не находился. Я был в Дамуре. Когда боевые действия прекратились и противник начал поднимать белые флаги, чтобы сдаться, мы в этом практически не участвовали. Наши командиры отправились в Бейрут под охраной, чтобы там обсудить условия капитуляции и всё остальное. Мы всё ещё находились в горах Ливана и оставались в состоянии боевой готовности — на случай, если вдруг возникнет какая-нибудь вспышка насилия и потребуются наше участие.

Австралийцы в атаке под Дамуром

Когда вы говорите, что командование отправилось туда, это было австралийское или британское командование?

Австралийское и французское. Не знаю насчёт британцев. Там были британские войска, но, насколько я помню, это были только подразделения поддержки, а не боевые части.

Когда в этот период ваш батальон передвигался, с вами были медицинские сёстры? Были ли вообще женщины в составе этого контингента?

Нет. Медицинские сестры того времени — и я очень их уважаю — находились в тыловых госпиталях. Всех раненых доставляли туда транспортом. Никаких медсестёр непосредственно рядом с местом боёв не было.

Кто оказывал помощь раненым на поле боя или сразу после?

В батальонах обычно были люди, прошедшие подготовку по оказанию первой помощи, а также санитары-носильщики. Они могли прямо на месте сделать вам укол морфина, перевязать вас или сделать всё, что было необходимо, чтобы стабилизировать ваше

состояние. После этого вас сопровождали на перевязочный пункт, а уже оттуда отправляли в базовый госпиталь, где проводили операцию или оказывали любую другую необходимую помощь.

Окрестности Бейрута. Австралийцы в атаке

Бейрут был захвачен, и, хотя вы сами в городе не находились, как до вас дошла информация о том, что это произошло?

Думаю, информация должна была поступить через штаб нашего батальона или сверху — в штаб батальона, а оттуда сообщение постепенно передавалось по телефонным линиям. В те времена у нас не было радиостанций, только полевые телефоны. Постепенно эта информация доходила до самых передовых подразделений, которые непосредственно участвовали в бою.

Когда эта новость пришла, было какое-то чувство праздника?

Да. Было ощущение: «Мы сделали это. Мы захватили этот город». Это был интересный опыт. Есть несколько вещей, которые особенно запомнились мне, и здесь я говорю исключительно о личном опыте. Однажды ночью нас перевозили на грузовиках. Это была ночная переброска, которую осуществляла британская армейская транспортная служба. Молодой водитель уснул за рулём. Наш грузовик перевернулся на бок, и мы все оказались в куче в кузове. Я почувствовал, как по ноге течёт какая-то тёплая жидкость. И подумал: «О Боже, у меня кровь», но оказалось, что канистра с водой упал мне на ноги и из него вытекала тёплая вода. Я опустил руку, попробовал жидкость на вкус — это была вода. Между прочим, только один парень получил там травму, что совершенно невероятно. Мы подняли грузовик, поставили его обратно на колёса и снова отправились в путь.

Ещё один эпизод, который мне запомнился, был связан с французскими эсминцами. Они подошли вдоль побережья и начали обстреливать наши позиции с моря. Я забрался на дерево и получил прекрасный обзор сверху на всё происходящее. Я был в безопасности, потому что обстреливали позиции дальше позади нас. Затем австралийский Полевой Артиллерийский Дивизион 2/4 открыл огонь по эсминцу, и этот случай считается одним из немногих известных эпизодов, когда военный корабль был поражён огнём наземной артиллерии. Эсминец продолжал стрелять, а затем ушёл обратно в Бейрут, на свою военноморскую базу.

Я как раз хотел спросить: была ли у вас какая-нибудь поддержка союзного флота вдоль побережья?

Были британские эсминцы, и, думаю, один австралийский эсминец тоже был, но я не могу сказать этого наверняка, потому что никогда специально не изучал этот вопрос...

КОЛИН ХЭМЛИ (COLIN HAMLEY)

Саперный (Pioneer) Батальон 2/2

... Мы выдвинулись к границе Сирии, потому что вот-вот должна была начаться Сирийская кампания. Сирийская кампания, насколько я понимаю, была предпринята с целью — я говорю «Сирия» в общем смысле, потому что Сирия включает и Ливан, — установить контроль над этим районом, который находился под властью вишистских французов во главе с генералом Денцем. Нужно было взять этот район под контроль до того, как немцы продвинулись через Турцию и Сирию. Они опасались, что немцы могут пойти этим путём и таким образом захватить Суэцкий канал, а не наступать со стороны Западной пустыни. Поэтому нас направили в Сирию, чтобы установить там контроль до того, как это произойдёт.

Такова была идея Сирийской кампании. Нашим противником в основном были войска вишистской Франции, причём вместе с французами находилось много колониальных военнослужащих. Были там и большие чёрные солдаты — я не совсем уверен, откуда они происходили и какой они были национальности, но большинство из них были очень крупными. Я не знаю, какова была их численность, но они довольно долго удерживали Сирию и были очень хорошо организованы и прекрасно подготовлены. Они занимали большинство господствующих позиций в этом районе, чтобы защищать его от любого вторжения с юга или, полагаю, с любого другого направления. Они построили множество больших казарменных комплексов, которые фактически представляли собой укрепления.

Первое боевое столкновение, в котором мы приняли участие в Сирии, произошло в месте под названием Марджаюн, в центральной холмистой части Ливана, на юге этой страны. Думаю, это было 15 июня 1941 года — тогда мы впервые столкнулись с настоящими боевыми действиями. Нас послали взять у вишистских французов этот форт — форт Марджаюн. Это было довольно кровопролитное сражение.

Разумеется, французы очень хорошо обосновались в районе форта. У них были тяжёлые пулемёты, артиллерия, полевые орудия, и они пристреляли всю местность. Они точно знали, куда направить снаряд, чтобы попасть в любое место, через которое мы собирались наступать. В первый же день боёв мы понесли довольно тяжёлые потери. Фактически в первый или второй день мы потеряли нашего командира — полковника Веллингтона (Nelson Frederick Wellington, 1889-1952, участник ПМВ, на фото слева). Он был ранен в первый день боёв, хотя, возможно, это

произошло на второй день. Наш заместитель командира, майор Лэнг (Joe Tilson Lang, 1896-1973, ветеран ПМВ, на фото справа, также был ранен. Таким образом, вскоре после вступления в боевые действия в Сирии мы остались без нашего командира и его заместителя.

После этого полковника Веллингтона заменил другой полковник по фамилии Монаган. Мы называли его Безумным/Mad Монаганом (Raymond Frederic Monaghan, 1898-1966, на фото слева). Он никогда не носил каску, хотя все остальные были обязаны это делать. Он просто отказывался надевать каску. Это был самый смелый человек из всех, кого я когда-либо знал. По-настоящему храбрый человек. Именно он, *Безумный Монаган*, руководил нами до самого конца Сирийской кампании. Это был очень решительный солдат, который не терпел никаких возражений со стороны младших по званию офицеров. Он точно знал, что хочет сделать, и делал именно это. И вы действительно видели, как он действовал: часто

он сидел прямо на переднем краю капота джипа и оттуда руководил действиями то здесь, то там. Невероятный человек.

Поскольку я служил в войсках связи, значительную часть времени мы проводили в штабе и имели довольно тесный контакт с полковником, майором и офицерами батальона. Поэтому мы слышали многое из того, о чём рядовые солдаты никогда ничего не узнали бы. Я часто слышал, как он жёстко отчитывал многих своих старших офицеров, потому что считал, что они делают не то, что должны делать, и что им следовало бы заниматься чем-то другим. И он совершенно недвусмысленно высказывал им свою точку зрения. Великий был человек, и наши парни его очень уважали. Именно поэтому он так воодушевил наших солдат, что, думаю, они пошли бы за ним куда угодно. Они действительно считали его отличным командиром.

Вы сказали, что у Нельсона Веллингтона был такой подход: он хотел создать товарищеские отношения между людьми в роте, сплотить их. А Монаган — он был похож на него? У него был похожий стиль?

Нет, стиль у него был не такой. Можно сказать, он вёл людей за собой в атаку. То есть: «Делайте, как я», «Поступайте так, как поступаю я». У него это было несколько иначе. Нельсон Веллингтон много думал о том, как подбирать людей, как развивать их, какие виды деятельности, по его мнению, могли бы способствовать сплочению подразделения. Он вовлекал нас в жизнь нашего оркестра, в концертную группу, в спортивные мероприятия и тому подобное. Знаете, каждая такая мелочь всё больше и больше сближала нас. Всё это — всё, что давало нам чувство гордости за своё подразделение, — постепенно накапливалось и укреплялось. И в конце концов ты чувствовал, что вы действительно единое целое, единое подразделение, которым ты гордишься. А мы очень гордились своим

подразделением. Вот какое подразделение Монаган принял. Ему оставалось только вести нас за собой с передовой — а люди и без того уже были готовы идти за ним. И он действительно вёл их с передовой, и действительно заставил людей следовать за собой.

Было бы интересно получить представление о той первой операции. Что вы делали? Вы прибыли туда, и вам сказали, что теперь вы на войне?

Ну, нас выстроили и ещё до рассвета собрали для атаки на этот форт. Это был наш первый день боевых действий. Перед фортом находилось открытое поле, через которое нам предстояло наступать. И, знаете, они накрыли его артиллерийским и пулемётным огнём. Они точно знали, где мы находились, потому что прекрасно нас видели. А мы шли в лобовую атаку на этот форт. Но нас просто косили: они пристреляли всё до мельчайших деталей. Как только где-нибудь показывалась голова — *бах!* — и всё. Так что в итоге первый день, если говорить о нём, был настоящим хаосом.

Моя задача заключалась в том, чтобы сопровождать командира роты и поддерживать связь по линии войск связи с другими ротами. Но фактически я его вообще не видел. Он куда-то ушёл, и я не знал, где он находится. Он находился в стрелковой ячейке, но я не мог его найти. Я не знал, где он. Нас, вообще-то, выделили двоих для работы при этом командире роты, но мы не смогли его найти и сами потерялись. Мы просто оказались там, посреди всего этого. Поэтому нам пришлось выполнять обычную пехотную работу. Всё, что мы делали, — стреляли из винтовок в сторону форта, и мы понятия не имели, по чему именно стреляем. Мы просто стреляли в направлении противника. Но, знаете, первый день боевых действий был настоящим хаосом. Мы потеряли много людей. Кроме того, в первый же день довольно много наших солдат попало в плен. Их окружили танки, которые французы выслали из этого форта, после чего они попали в плен. У нас танков не было. Артиллерийская поддержка у нас была — артиллерия пыталась обстреливать форт, — но танков у нас не было, авиации у нас не было, и положение, скажу я вам, было довольно плачевным. Вся наша подготовка пошла насмарку. А потерять своего командира и его заместителя буквально в первые дни боевых действий — это было просто невероятно.

О каком масштабе здесь идёт речь? Насколько крупными были силы, которые пытались взять форт?

Ну, мы этого не знали. Там были наше подразделение и артиллерийская батарея. Я не могу сказать, какая именно — не помню. Во время фронтальной атаки были только мы и артиллерия, которая должна была нас поддерживать. И, думаю, там, возможно, были ещё пулемётчики — Пулемётная Рота 2/3. Они тоже участвовали во фронтальной атаке. Но нас просто бросили туда как пехоту, обычную пехоту, чтобы мы предприняли фронтальную атаку на этот форт. Так мы впервые оказались в бою. И, честно говоря, это было довольно печальное зрелище — всё получилось довольно хаотично. В конце концов нам пришлось отступить. Но к тому времени они уже окружили нескольких наших парней и взяли их в плен. Тех, кого там захватили, в итоге отправили во Францию. Думаю, первоначально их отправили в Грецию, затем через Грецию — во Францию. В конце этой кампании произошёл обмен военнопленными, и в конце концов мы получили их обратно.

После этих первых двух дней мы отступили и заново спланировали наши действия. Вместо того чтобы предпринимать фронтальную атаку, мы сосредоточились на обходе противника с флангов и старались зайти к нему в тыл, одновременно действуя и с фронта. Но главным образом мы старались зайти с тыла, перерезав их линии снабжения. У них были войска и на окружающих холмах, и нам пришлось отправляться туда и ликвидировать эти вражеские группы, засевшие на высотах. Это тоже были довольно кровопролитные бои, и там мы тоже понесли потери. Думаю, в Сирии из тысячи военнослужащих мы потеряли убитыми семьдесят восемь человек. Конечно, это ничто по сравнению с тем, что произошло позднее, но всё же это были довольно тяжёлые потери. В конце концов мы окружили их. И примерно в течение недели полностью зачистили этот район и смогли продолжить продвижение вверх, через центральную часть Ливана, вниз, через город под названием Джебзин, который находился на холмистой, очень пересечённой гористой местности.

Мы зачистили этот район за пару недель, после чего нас вывели оттуда и перебросили к побережью, в одно место под названием... Сначала мы прибыли в одно место под названием...

У многих связистов были винтовки, но у некоторых также были револьверы. У сержанта и капрала были револьверы. Посыльные мотоциклисты носили револьверы, потому что не могли носить винтовку. Мы, обычные связисты, просто носили винтовки.

Значит, вы там всё зачистили?

Да. А затем мы перебрались в Сайдон, на побережье, примерно в шести или восьми милях южнее Бейрута, столицы. Они окопались там вдоль прибрежной полосы, в Дамуре... ну, и в холмах позади неё тоже. Их пехота окопалась в банановых плантациях на побережье возле Дамура, и нам пришлось идти туда и выбивать их из этих банановых плантаций. Они хорошо укрепились там, потому что заняли заранее подготовленные позиции. Они хорошо подготовились ещё до начала войны в Сирии, поэтому выбить их оттуда было довольно трудно, но в конце концов мы выбили их оттуда, просто действуя как пехота. Когда их вытеснили из Дамура, оказалось, что мы уже находились совсем близко к Бейруту. Тогда они сдались и прекратили сопротивление в Сирии. Это произошло примерно после шести недель боёв. Думаю, они всё-таки не хотели, чтобы Бейрут был разрушен, поэтому прекратили сопротивление и капитулировали. Так закончилась война в Сирии. Она продолжалась всего шесть недель.

В некотором смысле довольно короткая война, я полагаю, хотя вы понесли довольно значительные потери.

Да.

А удалось ли вам в течение этих шести недель использовать свои навыки, полученные при подготовке в качестве связистов?

О да, мы участвовали в этом, но мы не использовали никаких навыков работы с азбукой Морзе. Всё осуществлялось по полевым телефонным линиям. Когда мы находились в районе Марджаюна, нам приходилось прокладывать полевые линии к расположениям различных рот, развернутым здесь, и поддерживать работу этих линий на протяжении всей кампании. Мы делали это так — продвигались по местности, а сзади с кузова пикапа разматывался кабель. Мы только надеялись, чёрт возьми, что нас не подстрелят снайперы, прежде чем мы доберёмся туда, куда нам нужно было попасть, потому что при такой работе мы были очень уязвимы. А затем в основном мы ремонтировали линии по ночам. Если линия обрывалась или повреждалась, нам приходилось отправляться на поиски места повреждения, находить обрыв, ремонтировать линию и возвращаться обратно.

Наверное, ночью это было довольно трудно?

Да. Нужно было отправляться в пеший патруль вдоль линии и пытаться найти место, где она была повреждена, а это было довольно трудно. Без этих полевых линий единственными средствами связи с различными ротами, развернутыми на передовой, были либо пеший посыльный, либо мотоциклист-связной. Когда линии выходили из строя, нам приходилось использовать мотоциклистов-связных, чтобы доставлять сообщения нашим удалённым ротам. Это было очень опасным и рискованным занятием для связных. С ними постоянно случались аварии, потому что большую часть этой работы выполняли ночью, а не днём — днём они были слишком хорошо видны и слишком уязвимы. Поэтому мы делали это ночью, и они отправлялись в путь практически в полной темноте. Фары мотоциклов закрывали, оставляя лишь узкую щель, через которую пробивалось самое минимальное количество света. Из-за этого у нас было много аварий, и среди мотоциклистов-связных было много переломов рук и ног — из-за несчастных случаев, которые происходили, когда они ехали по этим дорогам. А дороги там были... Ни одна из них в том районе не была нормальной, мощёной дорогой. Это были грунтовки, просто просёлочные дороги через буш, причём довольно плохие.

И, полагаю, довольно песчаные?

Нет, в холмах песка не было. Нет, в Сирии вообще было не очень много таких участков. Вся эта подготовка к действиям в пустыне, которую мы проходили в Палестине, была в большей степени ориентирована на Западную пустыню, а не на Сирию. Вот почему я и задаюсь вопросом: зачем нас так обучали, если они знали, что мы отправимся в Сирию, а не в Западную пустыню? Это как раз были те ошибки, которые совершались во время войны, а ошибок во время войны было сделано множество, можете не сомневаться.

Множество ошибок...

Просто невероятно, сколько было допущено ошибок. Другой проблемой, конечно, было наше вооружение. Оно устарело, полностью устарело. Старая винтовка *Энфилд*, которая была нашей основной винтовкой, кажется, ещё со времён [Англо-Бурской войны](#), а возможно, и раньше, к началу ВМВ уже была устаревшей... Знаете, пятьдесят патронов калибра .303 — это уже довольно большой вес. А в своих подсумках ты мог носить двести патронов, весь свой боезапас, и это был очень тяжёлый груз, который приходилось постоянно таскать с собой. И сама винтовка тоже была тяжёлой — она была чрезвычайно тяжёлой и громоздкой. При этом она была очень точной на большой дистанции. Из винтовки .303 можно было вести точный огонь на расстоянии свыше трёх миль, знаете, но для той войны, в которую мы вступили, она была совершенно устаревшей.

А боеприпасами вас хорошо снабжали?

Да, боеприпасов у нас было достаточно, тут никаких проблем не было, но у нас не было поддержки с воздуха. В Сирии авиации практически вообще не было. У французов-вишистов было много немецких самолётов, которые занимались разведкой и бомбардировками наших позиций, а нам было нечем их отгонять — совершенно нечем. И, по-моему, я вообще не видел в Сирии ни одного британского самолёта. У нас был военноморской флот. В одном или двух случаях — например, когда мы сражались в районе Дамура, — туда подошли корабли флота. В Дамуре у французов была очень мощная огневая позиция в холмах, и они вели оттуда огонь по нам, создавая нам из-за этого массу проблем. Поэтому туда направили австралийские военные корабли. Крейсер *Perth* и ещё пара эсминцев подошли к побережью, прямо напротив Дамура, чтобы обстреливать эти позиции на холмах. Это очень нам помогло. То, как *Perth* ходил туда-сюда вдоль побережья и обстреливал высоты, было потрясающим зрелищем. Мы довольно отчётливо видели его оттуда, где находились, — он ходил взад-вперёд и вёл огонь по этим артиллерийским позициям противника.

А британцы сражались вместе с вами?

Нет, не вместе с нами, но британцы там были. Мы встретили несколько британских конных частей — конные части... Как же они назывались? Сейчас забыл. В центральной части Сирии использовались какие-то британские кавалерийские подразделения. Думаю, их использовали и дальше в глубине Сирии, чтобы обойти Бейрут с тыла — с восточной стороны — и выйти к северу от Бейрута. Там действовало довольно много британских войск. Но на побережье практически всё было австралийским.

А когда война закончилась, после перемирия в Сирии, что произошло дальше?

После этого мы занялись охраной наиболее важных объектов этой страны. Район, куда направили меня, находился на севере, в Триполи. Не в том Триполи, который находится в Западной пустыне, а в Триполи в Ливане. Нас отправили в Триполи охранять объекты иракский нефтяных компаний — там, неподалёку от Триполи, находился крупный комплекс, куда нефть доставляли из Ирака, а затем отправляли на нефтеперерабатывающие предприятия в Триполи. Мы несколько месяцев несли там охрану. Просто разбили лагерь под открытым небом, под оливковыми деревьями. Мы находились там на случай возможного проникновения немцев. Ожидалось, что немцы могут высадить там десантников, и мы всё время были готовы к тому, что это произойдёт...

Австралийцы празднуют окончание Сирийской кампании...

Можно я ненадолго вернусь к боевым действиям в Сирии? Меня интересует то, что вы потеряли несколько человек убитыми в бою. Вы хоронили их там, в Сирии?

Да, хоронили там. Насколько мне известно, никого из них не привезли обратно в Австралию. Все они были похоронены в Сирии. Странная вещь: мы никогда не ездили в паломничество в Сирию, и я даже не знаю, устраивались ли вообще какие-нибудь поездки туда. Например, мы ездили в такие поездки-паломничества к местам гибели наших людей в Таиланде и Бирме и в другие места. Но, насколько я знаю, все наши погибшие были погребены в Сирии.

А где именно их похоронили?

Скорее всего, непосредственно в тех местах, где они погибли. По крайней мере, первоначально их хоронили именно там, а уже после войны их останки, вероятно, были эксгумированы Комиссией по военным захоронениям Содружества и перенесены на центральное кладбище, скорее всего в Бейруте.

Источник

<https://australiansatwarfilmarchive.unsw.edu.au>

Перевод – Владимир Крупник с использованием ИИ

Возврат к главной странице www.warsstory.org